

На правах рукописи

Николаева Екатерина Геннадьевна

**Элементы кода повести Пушкина «Пиковая дама» в творчестве
Достоевского**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2007

Работа выполнена на кафедре русской литературы ГОУ ВПО
«Новосибирский государственный педагогический университет»

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Нина Елисеевна Меднис

Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор
Ольга Борисовна Лебедева

кандидат филологических наук, доцент
Эльмира Маратовна Афанасьева

Ведущее учреждение – ГОУ ВПО «Нижегородский государственный
университет»

Защита состоится «7» марта 2007 г. в ____ ч. на заседании диссертационного
совета Д 212.267.05 при Томском государственном университете по адресу:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государ-
ственного университета.

Автореферат разослан «__» февраля 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических
наук, профессор

Л.А. Захарова

Общая характеристика работы

Диссертационная работа посвящена изучению принципов использования в творчестве Достоевского элементов кода повести Пушкина «Пиковая дама». Ученые многократно обращали внимание на частое обращение Достоевского в своих произведениях к этому пушкинскому претексту и на его особую роль в творчестве писателя. В исследовании совокупность связей произведений Достоевского с повестью «Пиковая дама» рассмотрена как *особый текст*, являющийся сегментом *Пушкинского текста русской литературы*.

Степень разработанности проблемы. В литературоведении вопрос о влиянии произведений Пушкина на творчество Достоевского был поднят в начале XX века. До этого времени критика акцентировала внимание преимущественно на Пушкинской речи писателя. Одним из первых на связь творчества Достоевского с наследием Пушкина указал Д. Мережковский. В первой половине XX века ученые еще не говорят о систематическом обращении Достоевского к творчеству Пушкина, но поиск его образов, идей, мотивов в поэтике Достоевского ведется широко (Д.Д. Благой, К. Истомин, А.Л. Бем и др.). Во второй половине XX века исследователи активно изучают переключки произведений Достоевского с творчеством Пушкина (С.Г. Бочаров, О.Г. Дилакторская, Т.А. Касаткина, Л. Аллен, К. Кроо, Р.Г. Назиров, Е.А. Маймин, А.В. Князев и др.). Чаще всего ученые акцентируют внимание на межтекстовых связях произведений Достоевского с драматургией Пушкина (В.В. Викторovich, Г.А. Склеинис, Е.Г. Местергази и др.), «Повестями Белкина» (Д.Д. Благой, С.Г. Бочаров, Ю. Селезнев и др.), повестью «Капитанская дочка» (Н.Д. Тamarченко), поэмой «Египетские ночи» (Т. Касаткина). Возобновился интерес к изучению Пушкинской речи Достоевского; опубликованы работы об общих чертах в мировоззрении двух авторов и о значении творчества Пушкина для Достоевского (Г. Боград, А.П. Рукавицын).

Особое место в творческом сознании Достоевского занимала «Пиковая дама» Пушкина, отсылки к которой в его произведениях встречаются особенно часто. Это внимание писателя к пушкинской повести было замечено в литера-

туроведении не сразу – систематическое изучение ее влияния на поэтику Достоевского начинается с трудов А.Л. Бема в 20-х годах XX в. Среди работ, посвященных изучению различных аспектов связи «Пиковой дамы» с целым рядом произведений Достоевского, можно назвать монографии М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Д.Д. Благова, Г. Кокса, К. Кроо и др., статьи – Г.В. Краснова, Э.М. Афанасьевой, Н.Ф. Будановой, Б.С. Кондратьева и др. Ученые подходят к рассмотрению связи произведений Достоевского с «Пиковой дамой» с различных сторон. Так, М.М. Бахтин, К. Кроо изучают сюжетобразующую роль элементов повести Пушкина в поэтике Достоевского. Р.Г. Назиров, Э.М. Афанасьева акцентируют внимание на связи творчества Достоевского с «Пиковой дамой» с позиций теории интертекстуальности. А.Л. Бем, Г.В. Краснов рассматривают «Пиковую даму» и другие произведения Пушкина как источник литературных прототипов для героев Достоевского. Анализу подходов Пушкина и Достоевского к изображению фантастического начала посвящены работы Н.Ф. Будановой, Е.А. Маймина, Фэн Хуаина. Чаще всего исследовательское внимание направлено на изучение связи «Пиковой дамы» Пушкина с романами «Преступление и наказание» (М.М. Бахтин, Д.Д. Благой, П. Дебрецени, Г.В. Краснов, Б.С. Кондратьев и др.), «Бесы» (А.Л. Бем, Н.Д. Тмарченко), «Игрок» (А.Л. Бем, К. Кроо), «Подросток» (П. Дебрецени), «Братья Карамазовы» (Н.Ф. Буданова). Большая часть работ посвящена сопоставлению отдельных элементов пушкинской повести и романа «Преступление и наказание»: образов героев (В.В. Виноградов, М.М. Бахтин, Г.В. Краснов), снов (Б.С. Кондратьев, Н.В. Суздальцева), формального и идейного уровней (Э.М. Афанасьева), хромотопов (Г.В. Краснов, Ю. Селезнев) и т.д. Наиболее отчетливо в исследованиях, посвященных изучению творчества Достоевского, проработана параллель героев Германн – Раскольников (Н.Я. Берковский, Е.Ф. Буданова). Вопрос о связи образов Достоевского с пушкинской темой тирании поднимается в работах Г.Кокса, Р.Г. Назирова. Внимание исследователей, изучающих связи романа «Игрок» с «Пиковой дамой», сосредоточено на поиске проявлений мотива игры в этих произведениях, на сопоставлении образов Германа и Алексея как геро-

ев, охваченных страстью игры (А.Л. Бем, Ю.М. Лотман, К. Кроо). Доминирование романов Достоевского при изучении связей его произведений с «Пиковой дамой» породило недостаток внимания к малым формам творчества писателя. Отдельные наблюдения в этой области были сделаны В.Н. Топоровым, Э.А. Полоцкой. Однако причины «необъяснимого парадокса» (Д.Д. Благой) – столь частое обращения Достоевского и в малых формах, и в романах именно к этому произведению Пушкина – остаются до конца не изученными. Очевидна необходимость полномасштабного рассмотрения совокупности межтекстовых связей произведений Достоевского с «Пиковой дамой» как некоего целого, как сегмента Пушкинского текста русской литературы.

Актуальность исследования обусловлена регулярностью и системностью обращения Достоевского к повести «Пиковая дама» как прецедентному тексту и продиктованной этим необходимостью рассмотрения совокупности связей его творчества с пушкинской повестью как сегмента *Пушкинского* текста русской литературы. Наиболее актуальным в этом отношении является исследование малой прозы Достоевского, поскольку в ней сверхтекстовая природа обращений писателя к «Пиковой даме» исследована в меньшей мере. Включенность работы в современный научный контекст определяется также тем, что исследование принципов и специфики взаимодействия поэтик нескольких авторов, истории восприятия и изучения повести Пушкина «Пиковая дама» относится к целому ряду актуальных и активно развивающихся областей гуманитарного знания, таких, как рецептивная эстетика, диалог культур, теория интертекстуальности, теория больших текстовых образований (сверхтекстов).

Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые комплексно описывается код повести Пушкина «Пиковая дама», выявляется и анализируется система подкодов, ядерных и периферийных элементов. В рамках названного кода выделена семантическая триада сиротства как ядерный компонент структуры кода пушкинской повести. В диссертации впервые анализируется специфика использования в творчестве Достоевского периферийных элементов кода «Пиковой дамы».

Объектом диссертационного исследования являются проекции пушкинских произведений в творчестве Достоевского. **Предмет** данной работы – код «Пиковой дамы» и его трансформация в произведениях Достоевского.

Материалом исследования послужили: повесть А.С. Пушкина «Пиковая дама»; произведения Ф.М. Достоевского: рассказ «Маленький герой», повести «Неточка Незванова», «Дядюшкин сон» и «Записки из подполья», романы «Белые ночи», «Преступление и наказание», «Бесы». Выбор текстов обусловлен спецификой проявления кода повести Пушкина «Пиковая дама» в творчестве Достоевского.

Основная **цель** исследования – анализ кода «Пиковой дамы» и специфики функционирования его элементов в творчестве Достоевского. В соответствии с поставленной целью определяются **задачи** исследования:

- 1) проанализировать код повести Пушкина «Пиковая дама», вычленив подкоды (персонажный, числовой, именной и др.), ядерные и периферийные элементы;
- 2) рассмотреть принципы отбора и особенности перекодировки элементов кода «Пиковой дамы» в творчестве Достоевского, функциональность использования писателем как отдельных элементов кода, так и кода «Пиковой дамы» в целом;
- 3) показать, что использование Достоевским претекста пушкинской повести является системным, образующим благодаря использованию кода «Пиковой дамы» своего рода субтекст;
- 4) определить особенности и место в коде «Пиковой дамы» триады мотива сиротства и специфику ее использования в творчестве Достоевского;
- 5) охарактеризовать специфику включения в произведения Достоевского периферийных элементов кода «Пиковой дамы».

Методологию данной работы составляют сравнительно-типологический и структурно-семиотический методы. Используются также элементы рецептивного подхода. Применение данных методов и подходов обусловлено характером исследования. Теоретической базой работы послужили труды отечественных и зарубежных литературоведов и лингвистов в области теории сверткста и интертекста (Р. Барт, В.Н. Топоров, Н.Е. Меднис и др.), семиотики (У. Эко,

Ю.М. Лотман и др.), пушкинистики (Д.Д. Благой, Г.В. Краснов, В.В. Виноградов, В.Э. Вацуро, С.Г. Бочаров и др.), работы по изучению поэтики Достоевского (М.М. Бахтин, А.Л. Бем, Н.Д. Тамарченко, В.В. Викторович и др.).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Проявления кода «Пиковой дамы» в произведениях Достоевского представляют собой сегмент *Пушкинского текста* русской литературы.
2. Код пушкинской повести – сложная система знаков, которая в рецепции существует как подвижная взаимосвязь ядерных и периферийных элементов.
3. Код «Пиковой дамы» выборочно транспонируется в произведения Достоевского, где элементы его модифицируются в соответствии с принципами поэтики данного автора, но остается при этом узнаваемым.
4. Основной способ транспонирования кода «Пиковой дамы» в произведения Достоевского связан с переносом и перекодировкой ключевой триады мотива сиротства «тиран – сиротка – освободитель».
5. Особенность отбора элементов кода «Пиковой дамы» в творчестве Достоевского заключается в использовании им не только ядерных, но периферийных элементов данного кода, с последующим их перемещением в разряд ядерных.

Теоретическая значимость работы заключается в освещении такого сравнительно нового для литературоведения объекта изучения, как *Пушкинский текст русской литературы* на примере рассмотрения одного его сегмента – «Пиковая дама» в творчестве Достоевского. Выявленная в ходе работы схема «тиран – сиротка – освободитель» позволяет расширить представление о специфике реализации мотива сиротства в поэтике Достоевского. Рассмотрение особенностей отбора, перекодирования и переноса элементов кода «Пиковой дамы» в творчестве Достоевского создает базу для дальнейшего изучения принципов работы писателя с «чужим» текстом.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут найти применение в вузовских курсах истории русской литературы, введения в литературоведение, анализа и интерпретации текста, спецкурсах по

теории сверткста, по поэтике Пушкина и/или Достоевского, в работе спецсеминаров, при изучении интертекстуальных связей Пушкина и Достоевского.

Рекомендации по использованию результатов исследования. Основные положения работы целесообразно применять в преподавании русской литературы XIX века, при изучении различных аспектов творческого взаимодействия писателей, в эдиционной практике при комментировании текстов Пушкина и Достоевского.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены в виде научных докладов на аспирантских семинарах филологического факультета Новосибирского государственного педагогического университета, а также на следующих конференциях: на Конференции молодых ученых (Институт филологии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, апрель 1999); на конференции «Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. Интерпретатор и текст: проблема ограничений в интерпретационной деятельности» (Новосибирск, октябрь 2004); на Конференции молодых ученых (Новосибирск, апрель 2006); на Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука. Технологии. Инновации» НТИ-2006, направление «Гуманитарные науки и современность» (НГТУ, Новосибирск, декабрь 2006). По теме исследования имеется четыре публикации.

Структура работы. Работа объемом 207 страниц состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 212 наименований.

Основное содержание работы

Во введении излагаются цели и задачи работы, определяется актуальность и новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, содержится краткая характеристика современного состояния разработки проблемы.

Первая глава «Код повести Пушкина “Пиковая дама”» посвящена рассмотрению понятия *культурный код* и описанию кода повести Пушкина «Пиковая дама» как семиотического феномена.

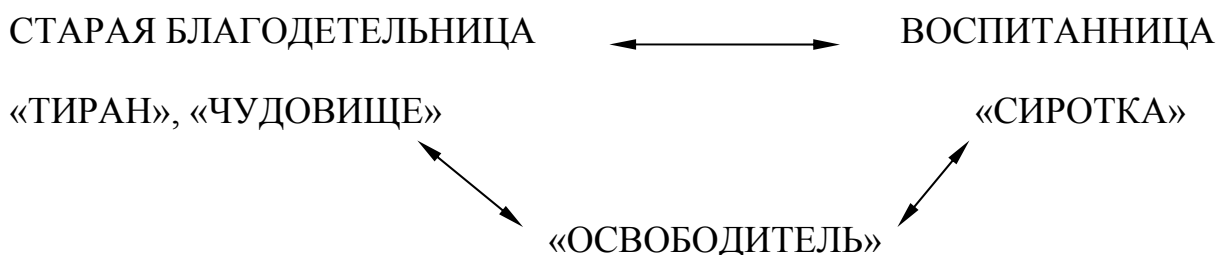
В первом параграфе рассматривается понятие культурного кода как системы, устанавливающей репертуар символов и правила их сочетания (У.Эко).

Понимание, описание и трансляция *кода*, его перекодировка возможны только при наличии воспринимающего сознания и при его учете: только то, что по ряду причин отражается в читательском восприятии, осознается и закрепляется в любого рода рефлексии – мысленной, устной или письменной, может быть отобрано при описании элементов кода и всей системы знаков в целом. Таким образом, описать *код* «Пиковой дамы» можно только отслеживая, какие элементы всей совокупности знаков «Пиковой дамы» «осели» в воспринимающем сознании, в нашем случае – творческом сознании Достоевского, образовав некую плотность, а какие были смыты с горизонта реципиента. Анализа кода, в частности повести «Пиковая дама», предполагает деление его элементов в ходе процесса описания на ядро и периферию и последующими динамическими процессами перехода их из одной группы в другую. Под *ядерными* элементами кода предлагается понимать те элементы, которые способны выполнять сюжеттообразующую функцию и закономерно, ожидаемо встречаются в трансляции *кода* и его описании, про которые условно можно сказать: совокупность этих элементов есть в «кратком изложении» «Пиковая дама». К таким элементам отнесены триада «графиня – Германн – Лизавета Ивановна», «три карты», тайна и др. *Периферийными* элементами при описании кода предлагается считать те, которые из-за неизбежной деформации описания оказываются переведенными в «ранг несуществования» (Ю.М. Лотман) и которые по этой причине не будут считаться «представителями данного текста», считываться как очевидная отсылка к «Пиковой даме», выступать в сюжеттообразующей функции. В рецепции они вымываются на периферию кода, отличаются неустойчивостью, иррегулярностью. К таким элементам отнесены, например: характеристика мужа графини («род бабушкина дворецкого»), элементы костюма графини и др.

Во втором параграфе рассматривается код повести «Пиковая дама» как система систем, состоящая из множества подкодов: персонажного, именного, числового, колористического и др. Сложность описания такой системы увеличивается за счет столкновения в повести различных дискурсов, нескольких знаковых систем, за счет двойных мотивировок событий, наличия большого коли-

чества персонажей, в том числе с амбивалентными характеристиками. Наиболее проработанными в пушкинистике являются персонажный, именной, числовой, карточный игральный и карточный гадальный подкоды.

Одной из самых важных частей знаковой системы «Пиковой дамы», к которой обращается Достоевский в своем творчестве, является персонажный подкод, ядро которого составляют главные персонажи: *графиня*** – Германн – Лизавета Ивановна*. Эти три персонажные позиции в их взаимоотношении представляют собой свернутый, редуцированный сюжет произведения. Эта триада образована по целому ряду единств, одним из важнейших среди них является мотив сиротства, имеющий в «Пиковой даме» схематический вид:

В этой схематической формуле, которая будет многократно транспонироваться в трансформированном виде в произведения Достоевского, роль *тирана* играет старуха-графиня, при которой воспитывается *сиротка* — Лизавета Ивановна — «бедная воспитанница знатной старухи», испытывающая «горечь зависимости». *Освободитель* — Германн, который хотя и через «убийство» графини, но все же освобождает от ее тирании Лизу-сиротку. Каждая позиция в описанной триаде у Пушкина амбивалентна: она соединяет в себе не одну, а несколько сюжетных функций. Так, Германн является в повести не только «освободителем», но и «тираном». Графиня тиранит Лизавету Ивановну, но становится невинной жертвой Германна. Лизавета Ивановна является и «сироткой», и невинной жертвой Германна. «Чудовище» в повести — это и Германн-убийца, и графиня в ночной сцене переодевания, и Лиза, которая «освобождается» от тирании графини с помощью преступного «соучастия» в ее убийстве. К обнаружению этого ядра персонажного подкода в разной степени подходили отдельные исследователи через описание общих для Пушкина и Достоевского категорий «жертвы», «тирана», «амбивалентных типов героев» (Э.М. Афанасьева,

Б.С. Кондратьев, Г. Кокс). Для доказательства того, что описанная семантическая триада Пушкина становится в творчестве Достоевского смыслопорождающим моментом, в параграфе детально рассмотрена каждая из позиций триады с вычленением в них ядерных и периферийных элементов кода повести.

Кроме триады «тиран – сиротка – освободитель» в код повести включаются и второстепенные персонажи, которые реже проявляют себя в рецептивном поле, уходя на периферийный план. В рамках персонажного кода подробно рассмотрены те образы, которые в трансформированном виде представлены в поэтике Достоевского. Некоторые из них переводятся писателем из периферии в центр измененной кодифицированной системы, становясь ядерными. Так, второстепенный образ Павла Александровича Томского в поэтике Достоевского оказывается значимым своим особым финалом в повести Пушкина – он *женится*, в отличие от Германа, и произведен в ротмистры, то есть в финале он – «*туз*», счастливый герой. Связанная с Томским сюжетная ситуация «*женится не герой, а “другой”*» реализуется Достоевским в романе «Белые ночи», в повести «Дядюшкин сон» и др.

С персонажным подкодом теснейшим образом связан именной подкод, в качестве ядерных элементов которого в параграфе были описаны имена Германа, Лизаветы Ивановны и Томского. Другие имена – Анна Федотовна, Сен-Жермен, Чаплицкий, Сурин, Нарумов и др. – не входят в ядерную часть кода. Имя *Германн*, многократно рассмотренное в литературоведении (П. Дебречени, М. Аркадьев, Г.Г. Красухин), в поэтике Достоевского встречается как элемент кода «Пиковой дамы» только однажды – в романе «Подросток». Ядерное в коде «Пиковой дамы» имя *Лизавета Ивановна/ Lise/ Лизанька* связано сложной игрой притяжений-отталкиваний с ономастической традицией «Бедной Лизы» Карамзина (В.Н. Топоров, А.Н. Архангельский). Причем, если Карамзин совершил прорыв в ономастическом плане, сменив семантику имени «Лиз» (Лизетта) с ветреной, бойкой служанки на светлый жертвенный и лиричный образ девушки (В.Н. Топоров), то Пушкин делает новый виток в трансформации Лизина текста: его героиня не только невинная жертва, но и самолюбивая девуш-

ка, «с нетерпением ждущая освободителя». В своей Лизе он меняет знаки: его Лиза черноволоса и черноглаза, Лиза Карамзина – белокура; Лизавета Ивановна в «Пиковой даме», несмотря на жертвенность и сиротство, в финале оказывается счастлива, тогда как в «бедной» Лизе жертвенность доведена до предела со смертью в финале. Первой и важнейшей фигурой Лизина текста в послепушкинскую эпоху становится Достоевский, в произведениях которого Лизы и Лизавета Ивановна становятся прозрачными отсылками к пушкинской Лизе, хотя и карамзинский контекст здесь полностью нельзя исключать. Иная ситуация складывается в рецепции с именем пушкинской графини – *Анна Федотовна* – имя этого персонажа находится на периферии кода повести. В последующей литературе при использовании связей с образом пушкинской графини оно подвержено, за редким исключением (Л. Улицкая, Б. Акунин), замене (в «Картежнике» Лобанова, «Игроке» и «Преступлении и наказании» Достоевского).

Среди других подкодов в параграфе рассмотрены карточный подкод (игральный и гадальный), числовая символика, колористический подкод.

В третьем параграфе схематично рассматриваются принципы модификации кода «Пиковой дамы» в творчестве Достоевского, при этом акцент делается на способах трансформации в произведениях писателя каждой из трех персонажных позиций триады «тиран – сиротка – освободитель», воспринимаемой Достоевским как ядерный компонент кода «Пиковой дамы». Триада «тиран – освободитель – сиротка», а по существу, свернутый, редуцированный сюжет «Пиковой дамы» проявляется в трансформированном виде во многих произведениях Достоевского: в «Преступлении и наказании», «Кроткой», «Неточке Незвановой», «Белых ночах», «Бесах», «Дядюшкином сне», «Записках из подполья» и др. В них каждый из трех компонентов описанной триады мотива сиротства может претерпевать видоизменения, трансформацию, смещения, при этом каждый раз все три персонажные позиции, отграниченные Достоевским поновому, составляют совершенно новый калейдоскопический узор. Варианты развития персонажной позиции «тиран» у Достоевского многообразны: 1) *тиран, сам становясь жертвой, погибает от рук «освободителя»*; 2) *наказан, но*

не убит; 3) остается безнаказанным; 4) «мнимый тиран», на деле он друг сиротки; 5) тираном становится сама «сиротка»; 6) тираном становится «освободитель»; 7) ожидается, но не реализуется смерть тирана. Инвариантная позиция «освободитель» также получает у Достоевского развитие во множестве вариантов: 1) *освободитель сходит с ума*; 2) *освободитель в здравом уме, но остается один*; 3) *освободитель женится на сиротке*; 4) *освободитель не женится на сиротке, женится другой*; 5) *освободитель умирает*. Намного сложнее обстоит дело с переносом Достоевским в свои произведения персонажной позиции «сиротка»: 1) *робкая, кроткая, не ожидает освобождения*; 2) *ожидает освобождения и/или сама активно принимает в этом участие*; 3) *смерть сиротки*: а) *добровольная*, б) *сиротка становится невинной жертвой освободителя и/или тирана*; в) *смерть сиротки, в которой тиран виноват косвенно*; 4) *сиротка выходит замуж*: а) *выходит замуж не за освободителя*; б) *выходит замуж за освободителя*; 5) *воспитывает у себя такую же сиротку*; 6) *сиротка сама становится тираном*. Такое схематическое моделирование позволяет понять, что Достоевский прорабатывает один и тот же элемент кода, например, одну и ту же персонажную позицию, многократно и многогранно в различных произведениях, создавая неповторимые комбинации. При этом следует отметить специфику отбора Достоевским элементов кода «Пиковой дамы»: одни элементы он в свои произведения переносит, делая их более или менее узнаваемыми, но, усложняя их и придавая дополнительные оттенки, опускает другие, значительно изменяет третьи, затемняя их связь с «Пиковой дамой».

Во второй главе «Мотив сиротства в произведениях Достоевского» подробно рассматривается реализация в поэтике Достоевского мотива сиротства, связанного с пушкинской триадой «тиран – сиротка – освободитель»; анализируются принципы использования элементов кода «Пиковой дамы» в поэтике Достоевского. В произведениях писателя, безусловно, присутствует ведущая в «Пиковой даме» тема – тема карт и карточной игры. Но в его творчестве мы видим высвечивание и таких структур, которые до обращения к ним Достоевского оставались на периферии кода «Пиковой дамы». К таким структурам и

относится триада «тиран – сиротка – освободитель». В данной главе анализируются факторы и причины, обусловившие смену угла зрения на пушкинский код и превратившие сиротство Лизаветы Ивановны и связанные с ним элементы кода «Пиковой дамы» в мотив сиротства у Достоевского. Среди таких причин названы: изображение Достоевским неразрывной связи сиротства и тирании на протяжении всего творчества; постоянное нахождение пушкинской повести в зоне творческого внимания писателя, что могло в свою очередь повлиять на восприятие ее как источника инвариантной схемы «тиран – сиротка – освободитель». Анализируемая в главе специфика обращений Достоевского к данному претексту заключается не столько в частотном, сколько в системном и систематическом использовании межтекстовых связей с «Пиковой дамой». Систематичность проявляется в регулярности обращения Достоевского к пушкинской повести, в частности к описанной нами триаде, как в рамках одного произведения, так и в совокупности рассказов, повестей, романов. Системность этих обращений проявляется в том, что заимствуемые элементы кода «Пиковой дамы» существуют в произведениях Достоевского не разрозненно и с точки зрения функциональности имеют общую векторную направленность. При этом Достоевский переносит в свои произведения не только сами элементы кода, но и совокупность сложных связей, существующих между ними. Поэтому семантическая триада сиротства не представлена в его произведениях частями: при появлении какой-либо одной позиции, остальные также оказываются «втянутыми» в текст вместе с целым рядом ядерных и периферийных элементов претекста, с комплексом связей и отношений между ними. Важно отметить, что и в творческом сознании Достоевского сиротство было связано не только с пушкинской воспитанницей, но со всей пушкинской триадой в целом. Так, в одном из незаконченных произведений автора – «План для рассказа в “Зарю”» писатель осмысляет образы Лизы, Германа и графини как функции (термин В.Я. Проппа), называя их в своем отрывке *Барыня*, *Воспитанница*, *Племянник*.

В первом параграфе рассматривается мотив сиротства в повести «Неточка Незванова» Достоевского. Акцент сделан на трех главных фигурах, которые в

1–3 главах повести реализуют триаду мотива сиротства «Пиковой дамы»: Нечка – это спроецированный образ «сиротки» Лизаветы Ивановны (+ «тиран»), ее отчим Егор Петрович Ефимов — Германн-«освободитель» (+ «тиран»), мать Нечки — «тиран» (+ «жертва»). Образ Ефимова связан с фигурой Германа четырехкратным упоминанием «неподвижной идеи» (К. Истомин). Героев также объединяет желание вырваться из «зависимого положения», сходные характеры (порывистость, горячка, нетерпение), тирания и помешательство. Последний элемент у этих героев может быть описан в виде общей схемы: «неподвижная идея» – желание убедиться в своей идее, ее проверка, желание «признания» – игра – поражение – открытие истины – сумасшествие, гибель. Что касается образа самой Нечки-«сиротки», то в 1–3 главах с ее образом связано желание освободиться, восходящее к пушкинской Лизавете Ивановне. Героини объединяют общие детали и элементы хронотопа: «бедное» жилище, бумажные ширмы, тусклый свет сальной свечи, мотив окна.

Во втором параграфе рассматриваются вариации мотива сиротства в рассказе «Кроткая», повести «Дядюшкин сон» и «Записки из подполья», романах «Белые ночи», «Преступление и наказание», «Бесы». Рассмотренные в указанных произведениях различные модификации мотива сиротства позволяют говорить о том, что триада «тиран – сиротка – освободитель» при всем многообразии проекций проявляется в них с иной доминантой, чем в «Пиковой даме». У Пушкина акцент делается в первую очередь на линию «тиран» – «освободитель», при этом первая позиция меняется на «жертву», вторая – на «тирана». У Достоевского же в триаде сиротства на первый план выходит линия «сиротка – «освободитель». Позиция «сиротка» у писателя совмещает в себе черты «воспитанницы» и «тирана-жертвы», а в «освободителе», как и в «Пиковой даме», соединены «тиран» и «ложный освободитель». При этом Достоевский, опираясь на принцип амбивалентности построения образной системы в «Пиковой даме», создает новый способ создания многослойности образа – своеобразный принцип голографии, когда на одну проекцию накладываются последовательно другие. Это могут быть разные варианты проработки одного и того же образа или про-

екции двух-трех персонажей триады сиротства. В принимающем контексте Достоевского пушкинская триада «тиран – сиротка – освободитель» и ее компоненты используются не только с целью прояснения истинного лица того или иного героя, как например, в «Преступлении и наказании», «Дядюшкином сне» и др., а чаще – для создания «состояния» сиротства, прояснения сущности тирании и сиротства как явлений, сопряженных с унижением достоинства, физическим и духовным преступлением против человека. Специфика переноса этой семантической триады из «Пиковой дамы» в произведения Достоевского заключается не только в выборе ядерных компонентов каждой персонажной позиции, например, кротости сиротки или расчета освободителя, а также не только в наложении нескольких проекций триады в одном образе при одновременной трансформации каждой ядерной «семьи». Другой, противоположный принцип работы с «чужим» кодом у Достоевского заключается в акцентировании внимания на незначительных деталях, периферийных элементах кода «Пиковой дамы», при этом они становятся важнейшими в поэтике самого Достоевского. Благодаря такой переакцентировке внимания с ядерных элементов кода «Пиковой дамы» на периферийные, последние начинают восприниматься как ядерные в самом коде повести. Такое внимание Достоевского к «мелочам» «Пиковой дамы», возможно, объясняется тем, что для него некоторые элементы кода «Пиковой дамы», обычно вымываемые при восприятии повести на периферию, воспринимались как не менее важные, чем ядерные. При переносе их в принимающий контекст писателя они могут становиться отсылкой к «Пиковой даме» не только в совокупности с заимствованными ядерными ее элементами, но и самостоятельно.

В третьем параграфе анализируется «именное» развитие мотива сиротства в творчестве Достоевского через сопряжение имени «сиротки» из «Пиковой дамы» с «Лизиним текстом» русской литературы. Создавая своих героинь как проекцию пушкинской воспитанницы, Достоевский часто оставляет за ними и имя героини-прототипа. Несомненно, что имя *Лиза* предполагает знание русской и европейской культурно-ономастической традиции (В.Н. Топоров). В произведениях Достоевского линия «русской» Лизы актуализируется не только

благодаря использованию в них цитат и реминисценций из «Бедной Лизы» («Записки из подполья», «Кроткая», «Слабое сердце»), но и через призму «Пиковой дамы» Пушкина. При анализе случаев использования Достоевским имени *Лиза* важно помнить, что его Лизы не имеют многого, что позволило бы возводить его героинь-сироток только к образу «бедной Лизы». Сращение имени *Лиза* в творчестве писателя в большей степени происходит с сюжетом Лизаветы Ивановны-«воспитанницы», а не с сюжетом «бедной» Лизы, совершающей самоубийство. Доказательством служит то, что Лиза у Карамзина, во-первых, не была полной сиротой и не испытывала состояния сиротства. Это уточнение существенно для творчества Достоевского, поскольку в его произведениях инвариантный признак – «сиротство» («формальное») может редуцироваться или исчезать, кроме того, часто именно «состояние сиротства» при тирании с чьей-либо стороны, а не собственно «формальное» сиротство и создает тот мотив, о котором мы ведем речь. Во-вторых, Лиза Карамзина не испытывала тирании ни с чьей стороны, тогда как большинство Лиз Достоевского его испытывают. Таким образом, важнейшие инвариантные признаки – **сиротство** как состояние (а не биографический факт) и испытываемое героиней **тиранство**, которые в комплексе и организуют «остов» мотива – отсутствуют в линии «бедной» Лизы. Следовательно, возведение линии «сиротки» у Достоевского непосредственно и только к образу «бедной» Лизы невозможно. Другим важнейшим отличием «Лизина текста» Достоевского от карамзинской ономастической традиции является *отсутствие* в сюжетной линии героинь-сироток с именем *Лиза* у Достоевского такого значимого для сюжета «бедной Лизы» фрагмента, как утопление или другого варианта самоубийства. То есть «Лизин» сюжет у Достоевского не совпадает с сюжетом «бедной Лизы» в самом главном – в судьбе героини Карамзина, в ее самостоятельном выборе смерти. Разработка Достоевским «Лизина» текста идет по нескольким направлениям, но в отношении Лизавет-«сироток» связана напрямую не с карамзинской Лизой, а с Лизаветой Ивановной из «Пиковой дамы». «Жертвенность» многих героинь Достоевского является продолжением линии воспитанницы-сиротки, которую тиранит старая гра-

финя и обманывает Германн. Опираясь в большей степени на пушкинский, а не на карамзинский текст, Достоевский создает новую разновидность «Лизина» сюжета. Новизна персонажного типа заключается в том, что героиня с именем *Лиза* у Достоевского – это не бойкая, проказливая девушка и не «утопленница», а жертва, страдальца, часто испытывающая «состояние сиротства» и тиранию. Имя *Лиза* зачастую становится у писателя знаком жертвы и сиротства.

В четвертом параграфе рассматривается функционирование в творчестве Достоевского деталей, связанных с персонажами-«сиротками». Реализуя в своих героинях инвариантные черты сиротки Лизаветы Ивановны из «Пиковой дамы», Достоевский вводит в тексты своих произведений даже незначительные детали, присущие ей. Такое использование периферийных элементов «чужого» текста в творчестве писателя – особенность его поэтики. Этот принцип работы с «деталью» «чужого» текста прослежен на примере мотива вышивания. Многие героини Достоевского, являющиеся проекциями образа Лизы-«сиротки» из «Пиковой дамы», оказываются, как и она, вышивальщицами. Но у Достоевского этот мотив редко остается неизменным: часто «благородное» вышивание трансформируется в тяжелую работу по мытью, починке белья, а нередко вообще вырождается в метафорически-пародийную связь с «грязным бельем», то есть со сплетнями и слухами. Связанность мотива шитья, белья со «словом» проявляется в том, что героиням Достоевского дано отличать истинное слово от ложного, которое часто у писателя связано с проявлением «литературности», игры в «известные роли». Используя в качестве отсылки к «Пиковой даме» и уровень детализации, Достоевский проецирует на своих героинь и некоторые портретные характеристики литературного прототипа. Внешнее сходство с пушкинской Лизаветой Ивановной у героинь Достоевского проявляется в том, что они имеют одну весьма заметную внешнюю характеристику – чаще всего они брюнетки, как и пушкинская «сиротка». Однако не все героини Достоевского, на которых проецируется образ Лизаветы Ивановны, будут иметь этот, скорее факультативный, чем обязательный, портретный признак.

В третьей главе «Интертекстуальные связи творчества Достоевского с повестью “Пиковая дама”» рассмотрены интертекстуальные связи творчества Достоевского с «Пиковой дамой». Код повести при использовании его Достоевским, с одной стороны, подвергается отбору и перекодировке в поэтической системе принимающего контекста, с другой – совокупность его измененных компонентов, благодаря системному и систематическому использованию, в произведениях писателя образует *особый текст* – сегмент *Пушкинского текста*. Из-за специфики такого способа «передачи» кода повести в творчестве Достоевского эта совокупность межтекстовых связей имеет иную природу, нежели обычная интертекстуальность. Учитывая это, в первой и второй главах работы было рассмотрено обращение Достоевского к коду «Пиковой дамы» именно с этой позиции, при ориентации на сверхтекстовый уровень, во многом определяющий природу заимствования. Но не все межтекстовые связи произведений Достоевского с пушкинской повестью представляют систему и отсылают к коду «Пиковой дамы» в целом. Существует в творчестве писателя ряд связанных с «Пиковой дамой», но внесистемных относительно пушкинской повести художественных деталей, которые должны быть рассмотрены в рамках иного, интертекстуального подхода, тем более что отдельные из них даже в тексте «Пиковой дамы» обретают статус скрытых реминисценций.

В первом параграфе главы рассмотрены принципы использования Достоевским ономастической цитаты, связанной с именем и отчеством Томского и его невестой Полиной из «Пиковой дамы» Пушкина. Многие произведения Достоевского – это попытка реализовать идею гармонии и целостности, которая у писателя была связана, прежде всего, с идеей *золотого века*. Эта идея, выраженная в целом ряде его произведений, включает в себя для Достоевского как понятие общечеловеческой любви, так и представление о гармоничном соединении мужчины и женщины. Одним из примеров такой гармонии для писателя могла стать пара *Поль-Полина* в заключении к «Пиковой даме», в котором упоминается о женитьбе Поля (Павла Александровича) Томского на княжне Полине. Родство имен и титулов князя Томского и княжны делает этих персонажей

зеркальной парой, оба компонента которой могут быть рассмотрены как разные стороны одного и того же образа, понятия, явления. Это первоначальное «расщепление» двух начал в «Пиковой даме», а затем их соединение брачными узами в финале повести оказывается знаковым для Достоевского и, по всей видимости, связывается в его поэтике с идеей возможности/невозможности обретения гармонии и целостности. В творчестве Достоевского мы обнаруживаем ономастическую цитату, связанную с именами *Поль и Полина* в «Дядюшкином сне», где Павел Александрович Мозгляков – имя-двойник Павла Александровича из «Пиковой дамы», в романе «Игрок», где внучка Тарасевичевой Полина Александровна – женский вариант внука графини Павла Александровича в пушкинской повести.

Во втором параграфе последовательно прослежена история заимствования детали «чепец с огненного цвета лентами» у Достоевского и Пушкина. Эта деталь, связанная в «Пиковой даме» с графиней, включается Достоевским в рассказ «Маленький герой» как интертекстуальная отсылка к повести Пушкина, где она, в свою очередь, существует как реминисценция из «Персидских писем» Монтескье. Таким образом, интертекстуальный подход к рассмотренным в третьей главе отсылкам в творчестве Достоевского к некоторым именам и деталям в «Пиковой даме» обусловлен их пограничным характером и необходимостью продемонстрировать разницу между системным использованием элементов кода повести Достоевским и случаями единичных обращений к «Пиковой даме», имеющих иную природу.

В заключении подводятся итоги работы и определяются перспективы дальнейшего исследования. Повесть Пушкина «Пиковая дама» как система систем представляет собой совокупность сложно и разнообразно организованных подкодов. Основными принципами организации кода повести являются: сложенность нарратива двойными мотивировками; амбивалентность персонажей, явлений, событий; развитие сюжета, логики событий, построения хронотопа и др. элементов по принципу карточной игры (фараона); принцип «двойников» и др. Код «Пиковой дамы» также представляет собой динамичную сис-

тему соотношения ядерных и периферийных компонентов. В творческом сознании Достоевского ядром кода повести становится триада «тиран – освободитель – сиротка», воспринятая писателем как уникальный вариант мотива сиротства и ставшая для него генератором смыслов и творческих ходов. В целом в его произведениях элементы текста «Пиковой дамы» подвергаются отбору, перекодировке согласно принципам принимающего контекста и представляют собой в совокупности особый текст – сегмент *Пушкинского текста русской литературы*. Этот иной, по сравнению с интертекстуальным, принцип работы с «чужим» текстом проявляется в поэтике Достоевского не столько в частотном, сколько в системном и систематическом использовании межтекстовых связей с «Пиковой дамой». Систематичность проявляется в регулярности обращения Достоевского к пушкинской повести в своем творчестве. Системность – в том, что, заимствуемые ядерные и периферийные элементы кода существуют в произведениях Достоевского в комплексе и не разнонаправлено; кроме того, писатель переносит в свои произведения не только сами элементы кода, но и совокупность сложных связей, существующих между ними. Специфика отбора элементов кода «Пиковой дамы» в творчестве Достоевского проявляется и во внимании писателя к глубоко периферийным компонентам кода, которые Достоевский переводит в зону «яркого света», заставляя иначе взглянуть и на сам претекст.

Различными оказываются и сами способы включения Достоевским чужого кода в свои произведения: связь может быть осуществлена в виде намека на весь сюжет повести; представления сюжета в редуцированном виде; парафразирования сюжета; прямой цитаты; обращения к пушкинским мотивам, деталям и проч., – то есть, принципы системности и систематичности обращения Достоевского к пушкинскому претексту могут касаться практически всех уровней текста, всех сфер поэтики Достоевского. Кроме того, в произведениях писателя существует и ряд связанных с «Пиковой дамой», но внесистемных относительно кода пушкинской повести художественных деталей, которые могут рассматриваться как единицы интертекстуального поля. Таковы, к примеру, не-

которые ономастические цитаты или отдельные образные знаки и формулы, которые даже в рамках пушкинской «Пиковой дамы» существуют как реминисценции, отсылающие к иным текстам.

Учитывая эту особенность отбора Достоевским элементов кода «Пиковой дамы», правомерно ставить вопрос не только о месте кода повести в поэтике данного писателя, но и о влиянии Достоевского на последующую рецепцию повести сквозь призму его писательских акцентов. Не только пушкинский код определяет специфику отдельных моментов в поэтике Достоевского, но и произведения Достоевского влияют на понимание пушкинского замысла.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Извекова (Николаева) Е.Г. Миф об андрогине в произведениях Ф.М. Достоевского // Молодая филология: Сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во НИПКиПРО, 2001. – С. 68-77 (0,6 п.л.).
2. Николаева Е.Г. «Литературность» в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Молодая филология: Сборник научных трудов / Под ред. Н.Е. Меднис, М.А. Лаппо. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2002. – Вып. 4. Часть 1. – С. 94-111 (1,1 п.л.).
3. Николаева Е.Г. «Пиковая дама» Пушкина и «Маленький герой» Достоевского: к вопросу о заимствовании художественной детали // Аспирантский сборник НГПУ – 2006 (По материалам научных исследований аспирантов, соискателей, докторантов): в 4 ч. – Часть 4. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. – С. 25-34 (0,58 п.л.).
4. Николаева Е.Г. Тема сиротства в «Неточке Незвановой» Ф.М. Достоевского // Сибирский филологический журнал. – 2006. – № 4. – С. 32-41 (0,55 п.л.).